

ИЗ ИСТОРИИ ВИННОГО ОТКУПА И ПИТЕЙНОГО КОРЧЕМСТВА НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье рассматриваются вопросы государственного регулирования производства и продажи алкогольной продукции в России в исторической ретроспективе, а также региональные аспекты правоприменения в данной сфере по материалам Оренбургской губернии.

Ключевые слова: винный откуп, казенная монополия на продажу вина, винокурение, Устав о винокурении, Устав о вине, Устав о питейном сборе, корчемство, Оренбургская губерния.

THE HISTORY OF WINE FARMING AND SMUGGLING IN URAL AT THE END OF XVIII – THE FIRST HALF OF XIX CENTURIES

The article deals with the issues of state regulation of production and sale of alcoholic beverages in Russia in historical perspective, as well as regional aspects of law enforcement in this area based on the Orenburg province.

Keywords: wine farming, breech monopoly on the sale of wine, distillation, Distillation Charter, the Wine Charter, the Charter of Wine Collection, smuggling, Orenburg province.

Государственное регулирование любой экономической сферы сопряжено с регламентацией деятельности субъектов рыночных отношений. Ответной их реакцией становится уход за рамки легальности, масштабы внезаконных операций имеют тенденцию к повышению там, где этот уход обещает существенное повышение нормы прибыли при сравнительно низких рисках. Таким было положение Оренбургского края с его степной границей и богатыми ресурсами – золотыми приисками, соляными месторождениями, а также приростом мигрирующего, как добровольно, так и принудительно, населения. Сферой особого правительственного внимания здесь были доходные казенные монополии – питейная и соляная торговля, отрасли с традиционно высокой долей теневого оборота, так называемого корчемства, которое определялось как тайное производство, провоз и торговля предметами, обложенными акцизами или составляющими монополию (регалию) казны.

Питейная регалия в России была установлена еще в период Московской Руси, когда появляются особые сытинные двory, ведавшие напитками, приготовленными на основе меда [20, с. 431]. Крепкие спиртные напитки, полученные из зерна злаковых растений («зелья»), получают распространение с XV в., их появление на Руси связывают с привозом в 1386 г. генуэзскими посланцами виноградного спирта, хотя существует и арабская версия происхождения водки – «эль-кохоль» [13, с. 161-165]. «Хлебное вино», как называли водку, становится предметом казенной продажи в «царевых кабаках» в начале XVI в., когда продавцов обязали торговать

спиртными напитками в кружечных домах и кабаках в установленное время и сдавать в казну кружечный сбор. Частная торговля спиртными напитками была под запретом

Формы государственной регалии на продажу алкогольных напитков варьировались. Если монополия осуществлялась путем сдачи кабаков в откупное содержание, вино в розницу продавали частные лица – откупщики, которые получали право торговать алкогольными напитками на определенный срок в определенной местности по итогам торгов и обязывались отдавать государству указанную в договоре денежную сумму как эквивалент стоимости налога [14, с. 127-139]. Винный откуп становится традиционным механизмом сбора питейных налогов с конца XVI – начала XVII в. (в документах этого периода есть упоминания о существовании кабаков на откупе, дававшим Борису Годунову «неправедные прибыли») вплоть до отмены откупной системы и введения акцизного налога в 1863 г. Иногда, правда, правительство вынуждено было отменять винные откупа, т. к. при слабом контроле со стороны государства откупщики доводили до разорения целые области. При Петре I винные откупа получили правовое оформление в виде письменного договора с казной. При Елизавете Петровне, с 1742 г., исполнение обязательств по контракту стало обеспечиваться залогом, который откупщик вносил в размере 1/3 годовой суммы откупного договора (принимались в залог заводы, крепостные крестьяне и деньги). С 1767 г., при Екатерине Великой, откупная система была введена повсеместно, кроме Сибири. Служба откупщиков была признана государственной, откупщик

получил статус коронного поверенного, на вывесках питейных домов появился государственный символ – двуглавый орел. Откуп отдавался с торгов на 4 года на определенную территорию (по губерниям, уездам). Условия откупа и казенная цена изменялись каждое четырехлетие до 1817 г. Регламентация содействовала первоначально росту казенных доходов, но откупщики быстро ощутили потерю собственной выгоды при соблюдении закона, регулирующего цены. Прибыль могла расти при ухудшении качества вина или за счет теневого оборота.

В отличие от продажи, производство водки было казенным лишь отчасти. В XVII в. казенные винокурни соседствовали с помещичьими: помещикам разрешалось курить вино для домашнего потребления. Крестьянам винокурение запрещалось и грозило ссылкой в Сибирь. Но монополия нарушалась постоянно и всеми: корчемствовали «восводы, дьяки и головы, ведавшие кабацкими сборами, дворовые люди, крестьяне и дворяники, стрельцы и солдаты, монахи и монахини», а царские кабаки обходили стороной, лишая казну дохода. Принимая во внимание известную на Руси уже в XVII в. традицию расплачиваться за работу алкогольными напитками, правительство в 1699 г. постановило считать корчемниками всех, кто «вино дает за работу или мастерство больше ведра». В 1648-1701 гг. водку даже продавали на вес. Это было сделано в связи с изменением системы мер, но также и с целью предотвращения фальсификации водки. Во все кабаки из Петербурга разосланы были специальные мерки (ведра), вмещавшие неизменный вес – 30 фунтов на территории до Урала и 40 фунтов в Сибири. Превышение веса должно было указывать на наличие в продукте воды [19].

Указ от 28 января 1716 г. расширил сферу частного винокурения: иметь винокурни теперь могли не только помещики «про свой обиход», но и подрядчики, поставлявшие вино для казны, такими подрядчиками в большинстве своем были купцы [16]. Правда, остальным сословиям производить хлебное вино запрещалось, а для всех легальных винокуров была введена винная пошлина, исчисляемая с готовой продукции с учетом количества оборудования (кубов). Сбор по емкости кубов и их клеймение был отменен Уставом о вине 1781 г., после чего вино стало отпускаться откупщикам только из казенных складов (запрет на самостоятельную заготовку и хранение вина откупщиками был снят в 1799 г.).

С 1755 г. винокурение оформляется как сословная монополия: купцам запрещено было иметь винокурные заводы. Основными поставщиками

казны становились помещики, которые заключали контракты на поставку казне водки на длительный срок (так, в 1755 г. поставка оформлялась на 10 лет). Прибыльность винокурения, по подсчетам некоторых современников, в тот период могла превышать 300% [17]. Подписанный 9 августа 1765 г. Екатериной II «Устав о винокурении» закрепил в великороссийских губерниях сложившуюся на практике дворянскую монополию, провозгласив: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому» [10] (винокурение и продажа вина в малороссийских, западных, новороссийских и прибалтийских губерниях было более свободным). Устанавливались достаточно жесткие рамки производства водки: предусматривалось обязательное заключение четырехлетнего контракта на поставку в казну с фиксированной ценой, производство продукта только в собственных имениях и не более определенного договором количества. Процедура приема вина от подрядчиков и оплаты также строго регламентировалась. Если по вине опоздавшего к сроку поставки подрядчика на питейных дворах случались «простойные дни», то весь убыток «без упущения» взыскивался с него. Из-за экономических и политических неурядиц в стране (неурожай, рост цен на зерно, последствия крестьянской войны и т. д.) подрядчики отказывались от поставок вина в казну, поэтому правительство сохраняло и казенные винокурные заводы.

Дворянская привилегия формально сохранялась до 1863 г. – при наличии огромного числа нарушений и злоупотреблений в производстве хлебного вина. Устранение конкуренции купеческих заводов подняло закупочные цены на вино, что уменьшило прибыль казны, но превратило «винно-откупное дело» в прибыльную сферу предпринимательства, основу первоначального накопления капитала и формирования крупных состояний в России. Как считает М.Л. Гавлин, «приобретение крупных состояний в винно-откупном деле является одним из самых характерных путей формирования крупных капиталов в дореформенной России ... каждый кабак был как бы маленьким банком, куда стекались народные деньги...». В 1817-1826 гг., когда вводилась казенная продажа вина, обнаружилось значительное падение доходов казны. С возобновлением же винных откупов при министре финансов Е.Ф. Канкрине и до их отмены в 1863 г. доходная часть бюджета, по данным исследователя, почти удвоилась. Доходы же самих откупщиков могли составлять, в среднем, более 1 млн руб. ежегодно. Правда, до половины дохода съедали расходы

по обслуживанию откупа – как легального, так и нелегального характера. Откупщики имели тесные связи с представителями власти в центре и на местах. Существовала целая система взяток, подкупов, дарений, которая позволяла обогащаться и за счет злоупотреблений [15, с. 98-102].

В борьбе с злоупотреблениями откупщиков и теневым оборотом правительство опробовало, казалось, все возможное. Учреждало заставы с воинскими командами около столицы (а затем и в других городах) и пограничную стражу на окраинах, окружало Москву деревянными надолбами и земляным валом. Вводило новые должности в акцизных ведомствах и создавало специальные корчемные конторы в городах и корчемную стражу за счет откупщиков. Карало штрафами, лишением чинов и привилегий, конфискацией имений и оборудования, исключением из купеческих гильдий, кнутом и ссылкой в Оренбург, Сибирь или горные заводы. Устанавливало круговую ответственность для крестьян селений, где обнаруживалось корчемство (по Уставу о винокурении 1765 г. крестьяне подвергались штрафу всем селением: в первый раз – 25 коп. с души, во второй – 50 коп., в третий – 1 руб.).

На места для сведения городничих и комендантов в городах, нижнего земского суда в уездах рассылались специальные разъяснения царских указов по поводу винной торговли. Так, в Уфимское наместничество через казенную палату поступила в июле 1783 г. инструкция, предписывавшая следить, чтобы «сидельцы казенных питий продавали за наличные деньги указанными мерами и ценами... вырученные деньги в уездные казначейства отдавали в городах понедельно, а в уездах к первому числу каждого наступающего месяца... дабы они никаких подвозных у себя питий не имели, особливо подлого звания люди вином, пивом, разными брагами и прочими запрещенными питьями не шинковали». В том же месяце Челябинский нижний земский суд собрал о выполнении указания рапорты – из златоустовской конторы заводчика Лариона Лугинина об отсутствии подвозных вин и шинков, из Таловского волостного суда, Куртамышского волостного суда, и др. [7, л. 1, 9, 12, 14].

В 1792 г. Челябинский нижний земский суд направлял всем старостам крестьянских волостей текст очередного царского указа «с наистрожайшим предписанием о искоренении происходящего законопротивного винного корчемства и наблюдении за всеми обывателями всех селений». Сельских старост обязали провести разъяснительную работу, а десятников – дать подписку о «неослабном смотре и наблюдении».

По архивным документам, отчитались – с предьявлением подписки – крестьянский староста села Воскресенского Челябинской округи П. Паклин, десятники И. Шилаин, Ф. Усынин. В Воскресенском поверенный питейных сборов в Челябинской округе обнаружил в стоящих за пределами села овинах крестьян Усынина и Тетерина «законопротивное корчемное вино», дело рассматривал Челябинский нижний земский суд [8, л. 1, 2, 7, 8].

После учреждения в 1775 г. губернских казенных палат управление винным откупом перешло в их ведение. Этот переход законодательно оформил «Устав о вине» от 17 сентября 1781 г. из 130 статей, большинство из которых были взяты из «Устава о винокурении» 1765 г. и «Формы контракта на содержание питейных сборов на откупе», введенной указом Сената с 1 января 1771 г. [11]. По «Уставу о вине» 1781 г. [12] казенная палата заготавливала вино на казенных и частных заводах для торговли в царских питейных домах. Право на содержание казенных питейных домов, а также «временных выставок» оформлялось договором откупщика с губернской казенной палатой.

Такой контракт, хранящийся в фондах Государственного архива Челябинской области, был, например, заключен 10 июня 1802 г. в Оренбурге с купцом 2-й гильдии Федором Борисовичем Немчиновым, получившим в содержание питейные заведения в городах Челябинске и Троицке с их округами на 1803-1807 гг. [9]. По договору откупщик мог – «под наблюдением казенной палаты, отвечающей за каждую неосторожность» – в пределах указанной территории открыть дополнительное, «сверх ведомости», количество заведений, но при условии, чтобы «подрыва другим откупщикам последовать не могло», а также «принять товарища, сдать откуп или его часть съемщику с его благонадежным залогом». «Посторонним» людям в пределах откупа заводить питейные дома, выставки и подвижные продажи не разрешалось. Откупщик имел право брать вино на казенном винокуренном заводе (согласие и информацию о ценах он получал в казенной палате) или «подряжать вино на свои деньги сверх заготавливаемого казною у имеющих право винокурения» как на территории своего откупа, так и в других уездах. Так, в Челябинске и Троицке вино поставлялось казенным Боровлянским винокуренным заводом из Тобольской губернии.

Контрактом устанавливалась общая сумма годового платежа (так, откуп в Челябинске стоил 46200 руб. в год, в Троицке – 36175 руб.) и порядок внесения откупных платежей в казну (два раза

в месяц «монетою и государственными ассигнациями»). Контракт обязывал продавать напитки клейменными мерами и по установленной цене. Продажная цена (на 1 ведро) фиксировалась на период откупа и складывалась из закупочной цены и государственной наценки. Откупщик был обязан сдавать в казну разницу между закупочной и продажной ценой. Выгода откупщика вполне легально предусматривалась контрактом в том случае, если откупщик сумел приобрести вино дешевле установленной закупочной цены; если торговал напитками и закусками собственного производства; если ординарное «хлебное вино» облагораживал различными специями, что позволяло увеличить продажную цену вдвое; если досрочно продавал установленное договором годовое количество вина и до конца года сам устанавливал цену. Свободная цена допускалась и тогда, когда государство не обеспечивало кабаком вином по контракту, а также для «предостережения себя от подвозу корчемного вина... дабы расход напитков и выручка денег не уменьшились». Откупщику, кроме того, предоставлялось право изъятия и реализации вина, обнаруженного в пределах его откупа у корчемников.

Прибыль от самостоятельных подрядов откупщика, таким образом, не регулировалась. В то же время регламентация товарного винокурения предполагала, что частные винокурни могли функционировать только при условии обязательств перед казной или откупщиком. Откупщик мог заключить договор с имевшими право винокурения дворянами, заявив об этом в казенной палате и уездном суде, последний выписывал объявлению контракта «пропускной ерлык», чтобы в пути следования «нижний земский суд вино не почел запрещенным товаром», и на заставах досмотр ограничивался подсчетом указанного в «ерлыке» количества бочек. Уездный суд обязан был уведомлять откупщика своего уезда (или его поверенного) о подряде и следовании через территорию его откупа с товаром «постороннего подрядчика» [18].

Для поддержания добросовестной конкуренции и предупреждения злоупотреблений со стороны заводчиков местный откупщик мог «определить при том заводе своего надзирателя, дабы из подряженного вина в непозволенную продажу ничего не выходило». Привозить «в город или округу, находящиеся в содержании у другого откупщика, вина, водок и наливок из горячего вина» запрещалось [9, л. 1-16].

В контракте прописывались и меры, применяемые к нелегальному производителю и продавцу алкоголя: «...если имеющий винокуренные

заводы и обязавшийся поставлять вино в казну или откупщику приличился (т. е. был уличен) не по одному только доносу или неосновательному подозрению или сомнению, а по точной выемке и действительной улике и доказательствам в корчемстве, тогда заводы его препоручать в управление губернской казенной палаты, чтобы она хозяйственным образом очищала поставку вина, которой завод обязан, в полной исправности. По окончании оной, лиша такового права винокурения, медную посуду продать в пользу казны, а завод – разломать и уничтожить до подошвы. Ежели же кто под видом домашнего обихода будет вином корчемствовать, то предавать суду и подвергать всему, что законы повелевают» [9, л. 10 об.].

Откупщик состоял «в особом покровительстве» у гражданского губернатора, т. е. по всем вопросам откупа мог обращаться непосредственно к губернскому начальству, которое, как гласит документ, «по долгу звания своего обязано подавать руку помощи и доставлять угнетенному справедливость». Местная казенная палата обязывалась рассматривать дела откупщика без проволочек и притеснений «в один срок заседания». Под особым контролем были жалобы откупщика по поводу винного корчемства. При подозрении в провозе по уезду корчемного вина откупщик или его поверенный должен был немедленно обратиться к старосте ближайшего селения (сотскому, десятскому), который обязан был организовать поимку и доставку подозреваемого с поличным в нижний земский суд, к земскому исправнику (в городе – к городничему). Откупщик и его поверенный могли присутствовать при следствии и получать копии допросов [9, л. 12 об.].

Вместе с тем некоторое смягчение правил в конце XVIII в. (помесячная уплата откупной суммы, снятие в 1799 г. запрета на самостоятельную заготовку и хранение вина) не отвратило от злоупотреблений самих откупщиков. Так, в июне 1804 г. содержатель питейных сборов в Бузулуке майор Александр Обухов обвинялся в нарушении режима торговли: «дозволял сидельцам продавать пития с рассветом дня и в праздники, и во время божественной литургии, а заканчивать в часы глубокой ночи...» [1, л. 2]. Торговля по регламенту должна была производиться в будничные дни с 7 утра до 10 вечера – «от времени обыкновенного выхода рабочих людей из домов до заката солнечного, а в осенние и зимние месяцы до пробития вечерней», в праздники – по окончании литургии не ранее 11 утра. Запрещалась торговля во время крестного хода.

О злоупотреблениях по винному откупу в Оренбургской губернии доносил сразу Его Императорскому Величеству в ноябре 1808 г. бывший секретарь Бугурусланского уездного суда Маслов: «С 1 января 1807 г., – сообщал бдительный отставной чиновник, – в Оренбургской губернии новые откупщики на продажу вина и водок учредили сверх расписания Правительствующего Сената продажу питей во всех селениях. Жители доводятся до крайнего разорения, но не смеют сделать препятствия, ибо все начальники губернии и земских полиций в позволении сего участвуют». Посетив в Бугуруслане указанные в доносе места незаконной торговли следователи обнаружили только старые пустые избы и сомнительные свидетельства соседей «с плохой памятью», поэтому не стали обращать внимание на обещание Маслова предоставить «изобличающие записи по селениям» и его призыв опросить всех должностных лиц, которые часто ездят по уездам, «все знают, но не заявляют» – земских исправников, уездных стряпчих и других [2, л. 1-6, 12 об., 19].

В 1811 г. министерство финансов разбиралось с недоимками по питейному откупу в Оренбургской губернии. Содержатель казенных винных сборов по Оренбургской губернии (в городах Оренбург, Уфа, Троицк, Челябин, Верхнеуральск, Белебей и Мензелинск) статский советник Ленивцов и совершавший операции от имени содержателя откупа комиссионер купец Александр Немчинов не внесли откупную сумму за январь 1811 г. в размере 24187 руб.50 коп., к маю сумма долга выросла до 101419 руб.25 коп. Должник объяснял свой отказ платить тем, что не получил в срок продукцию для продажи из Сибири – от Боровлянского казенного винокуренного завода. К расследованию, помимо оренбургского губернатора Г.С. Волконского, подключили сибирского генерал-губернатора, который, по донесению Тобольской казенной палаты, доложил министру в июне 1811 г. о том, что Ленивцов не вывозит отпущенные ему еще в марте 50 бочек вина, смысл письма сводился к следующему: «и заставить не можем, и отвечать за уеушку и утечку вина не хотим...». Возмущенный министр до конца лета 1811 г. контролировал взыскание этой недоимки лично, пригрозив должнику «отрешением от питейных сборов» [3, л. 16, 38, 49, 57, 62].

Не успев разобраться с одним оренбургским «недоразумением», министр вынужден был уже в августе 1811 г. рассматривать прошение отставного генерал-майора Петра Киндякова, который вместе с братом получил на проведенных Сенатом

торгах винный откуп с 1811 по 1815 гг. на территории городов Стерлитамака, Бугуруслана и Бузулука с уездами. Киндяков, имея собственный винокуренный завод в селе Петровском Стерлитамакского уезда, подрядился «сделать из горячего вина сладкой на манер французской водки 200 ведер» и поставить в Уфу, т. е. на территорию чужого откупа. «Французской водкой» в России называли виноградный спирт, коньяк. Не сумев разобраться в хитросплетениях «узаконений о водках», суд не только отклонил прошение целиком, но и предписал губернскому правлению проверить соблюдение правил питейной продажи на территории откупа. Винной экспедиции Оренбургской казенной палаты пришлось «учинить из законов выписку», в итоге «право откупное» пришло в противоречие с «правом дворянским», а невнятность терминологии еще более запутала дело. Казенная палата, в конце концов, пришла к выводу, что право дворянское на «курение вина и спирту» не распространялось на «заготовления водок на манер иностранной и французской» в соответствии с Указами от 17 ноября 1794 г. и от 19 сентября 1799 г. [4, л. 10 об.–13].

По поводу толкования норм «винных законов» и сложившейся практики можно обратить внимание на то, что в упомянутом выше тексте «Контракта» именно эти моменты оговорены в пунктах 18, 19 и 21. Из текста следует, что откупщик предупрежден об ограничении своих прав: он может «приготавливать напитки на своих или наемных по договорам заводах», «иметь пивоварни и для делания водок заведения в городах содержания откупа», «приготавливать из вина всякие обыкновенные ординарные и на подобие иностранных подслащенные медом и сахаром со специями разного сорта напитки и наливки», «изготавливать и продавать пиво и портер на аглинский манер». Изготовление же «вейновых и на манер французской деласмых водок дозволяется в тех только местах, которые виноградом и приготавливаемым из ононого вином изобильны...». Поскольку злоупотреблений такого рода, когда «водки наподобие вейновых составляются не из виноградных припасов, ...а из хлебного вина», было много, правила разрешали откупщику направлять в заводы своего пристава, «для надзираения» [9, л. 11 об.].

В 1817 г., когда после войны 1812 г. проблема недоимок обострилась, правительство пошло на замену откупной системы акцизной. По предложению министра финансов Д.А. Гурьева и Высочайше утвержденному 2 апреля 1817 г. «Уставу о питейном сборе» была введена система казенной оптовой продажи вина: вино,

изготовленное на казенных заводах, продавалось в казенных магазинах оптом виноторговцам, для других покупателей в каждом городе открывалась одна казенная ведерная лавка – для продажи бочками и ведрами. Розничная торговля спиртным была отдана в частные руки: питейные дома для розничной торговли разрешалось содержать купцам 3-й гильдии, мещанам и крестьянам, но не более двух заведений каждому. Устанавливалась казенная цена вина – 7 руб. за ведро в 1819 г., 8 руб. – с 1820 г. Виноторговцы должны были продавать вино по казенной цене, наливки и настойки – с двухрублевой наценкой, а пиво, мед и хлебные водки от частных заводчиков – по свободным ценам. Акциз с водок составлял 6 руб. с ведра. Право торговли вне кабаков стоило от 2 до 30 руб., а в питейных домах – 5 коп. с ведра, в зависимости от объемов продажи предшествующего года.

Нововведения привели лишь к снижению объемов легальной продажи. Не помогали и проверки соблюдения правил торговли. Более того, правительство, руководствуясь интересами казны, временами проявляло большую осторожность в давлении на торговцев, нежели местная администрация. Так, в мае 1819 г. до министра финансов Д.А. Гурьева доходит известие о конфликте в Оренбурге между местными чиновниками, ведавшими управлением питейного сбора, и полицией, объявившей войну виноторговцам, нарушавшим установленные правила. В донесении министру чиновники жаловались на то, что «полицейское начальство посылает нижних воинских и полицейских чинов в питейные дома для покупки вина, которое ими опечатывается, не только по сим посылкам, но даже и по безымянным доносам производятся исследования, по которым силою градской и земской полиции привлекаются винопродавцы и их сидельцы без сношения с управлением питейного сбора... Рассадив по разным местам, как подсудимых, с них отбираются допросы... Все недовольны: чиновники готовы просить увольнения от занимаемых ими должностей, а виноторговцы угрожают вовсе оставить свой новый промысел, столь тесно соединяющий в себе частную и казенную пользу» [5, л. 48-49].

«Кошмарить» такой бизнес министр финансов, конечно, не мог позволить. В своем отношении к Оренбургскому военному губернатору от 22 мая 1819 г. Гурьев настоятельно рекомендует «предоставить каждому управлению свои пределы власти», так как «исследование злоупотреблений по питейному сбору принадлежит по обязанности казенной палате, а не другому лицу... Городские и земские полиции, если бы

и открылись такие злоупотребления по питейному сбору, не должны по оным чинить никакого производства, а обязаны дать знать надзирателям питейного сбора и доносить гражданскому губернатору для извещения о том казенной палаты... Чиновники казенной палаты могут быть подвержены ответственности одним министром финансов, который получит на них жалобу... Уездные правления подчинены только казенной палате... Виноторговцы не только по делам питейного сбора находятся в непосредственном ведении казенной палаты и уездных правлений, но и по всем прочим делам состоят под защитой сего управления, обязанного иметь по оным ходатайства о стеснениях. Власть полиции и губернского начальства по сей части допускаются единственно в делах соблюдения тишины и благочиния и по важнейшим уголовным преступлениям, предполагающим взятие под стражу... В противном случае при дальнейших стеснениях виноторговцам и устранении чиновников питейного сбора от непосредственного и одними только ими пристального за ними наблюдения питейные сборы по Оренбургской губернии не только не будут равняться с доходом других губерний, где они при содействии губернского начальства имеют успешное течение и даже превзошли ожидания, но придут в упадок...» [5, л. 50-52]. Оренбургский военный губернатор поспешил согласиться с мнением министра, уже 25 июня 1819 г. прислав ответ с заверениями в неукоснительном выполнении всех предписаний, а министр, в свою очередь, еще через месяц – в письме от 31 августа 1819 г. – напомнил губернатору о его ответственности [5, л. 59-60].

Система казенной продажи просуществовала 10 лет – до 1827 г., когда новый министр финансов Е.Ф. Канкрин настоял на возврате к откупной системе. Заготовку вина казна брала на себя, откупщики обязаны были брать его по цене, близкой к заготовительной. Если возникала потребность в больших объемах продукции, они могли купить вино у заводчиков самостоятельно или произвести сами при наличии права на винокурение. Откупщики получали право безакцизно производить водки и пиво низших сортов, содержать в пределах своих откупов корчемную стражу и иметь своих смотрителей на винокуренных заводах.

Реформы, судя по всему, слабо влияли на подпольное производство и провоз алкогольных продуктов. Мало помогало и учреждение особых должностей для борьбы с этим злом. Так, в 1824-1863 гг. в уездах при земских судах существовали особые заседатели для прекращения корчемства,

к обнаружению нарушителей привлекались воинские команды и специальная корчемная стража. На пограничных линиях специальные инструкции получала таможня, но в перечне предметов контрабанды, задержанных, например, Троицкой пограничной таможней в Оренбургской губернии в 1840-60-е гг., продолжают фигурировать традиционные «корчемные» товары – вино и соль [9]. В 1829 г., после повышения откупных цен, были ужесточены правила преследования корчемников: запрещалось выпускать их на поруки, а дела о корчемстве предписывалось рассматривать вне очереди. Уложение о наказаниях 1845 г., отказавшееся от самого термина «корчемство», устанавливало наказание за тайный провоз и продажу вина от денежных штрафов, с конфискацией вина, до ссылки. При этом в 1847 г., когда специально созданная Министерством финансов группа экспертов собрала образцы вин из всех мест продажи по России, подлинной продукции оказалось лишь 8% [13, с. 167-168].

Попытку усовершенствовать систему представлял собой проект разбогатевшего на винных откупах предпринимателя В.А. Кокорева, по предложению которого в 1847 г. откупную систему заменило акцизно-откупное комиссионерство: в каждом городе, составлявшем с уездом питейный откуп, с торгов отдавались «акцизные статьи» комиссионерам продажи казенного вина. Комиссионеры получали ежемесячно продукцию в виде спирта по установленной цене (3 руб. за ведро – для полугара и 4,5 руб. за ведро – для настоек). С каждого ведра комиссионер получал по 25 коп. плюс 10-15% от стоимости всего объема

полученной продукции, обязываясь при этом продавать вино определенной крепости по установленной цене, а водку и пиво – по свободным ценам. Однако проблема недоимок так и не была решена, в 1852 г. правительство восстановило прежнюю откупную систему, которая в 1863 г. сменилась акцизной: спирт и вино облагались акцизом с каждого градуса алкоголя, т. е. с учетом крепости напитка, устанавливался патентный сбор в зависимости от объемов производства. По узаконениям о торговле и промыслах от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. право торговать и заниматься промыслами давало специальное свидетельство, выдаваемое уездными казначействами, для торговли вином требовалось также наличие патента на питейное заведение. Торговцы вином должны были платить и местные сборы (городские, земские) и с торговых свидетельств, и с патентов. Введенная в 1895 г. система питейной монополии ввела казенную продажу алкогольных напитков, но не изменила саму систему питейных сборов и регламентации винокурного производства.

Итак, на протяжении второй половины XVIII и в XIX вв. формы государственной реглаляции на продажу алкогольной продукции изменялись (откупная система, акцизная система, питейная монополия). Государственный контроль над производством и оборотом алкогольной продукции изменял свои формы, преследуя, прежде всего, фискальные цели, но порождая при этом очаги теневой деятельности и злоупотреблений по всей цепочке производства, транспортировки и сбыта и во всех слоях российского общества.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп.2. Д.1119.
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп.3. ч.2. Д.2670.
3. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп.3. ч.1. Д.3130.
4. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп.3. ч.2. Д.5137.
5. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп.3. ч.2. Д.6610.
6. Объединенный Государственный архив Челябинской области. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 12, 932, 933, 934, 935, 967, 1084, 1090
7. Объединенный Государственный архив Челябинской области. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 56.
8. Объединенный Государственный архив Челябинской области. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 166.
9. Объединенный Государственный архив Челябинской области. Ф. И-213. Оп. 1. Д. 18.
10. ПСЗ-1. Т. XVII. № 12448.
11. ПСЗ-1. Т. XIX. № 13505.
12. ПСЗ-1. Т. XXI. № 15231.
13. Аксенов Р. Г., Бахтеев С. С. Оборот алкогольной продукции: исторический аспект // Полиция и милиция России: региональный аспект : сб. науч. ст. – Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2004. С. 161-165.

14. Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение ; под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 13. – М. : Изд-во МГУ, 2007. – С. 127-139.

15. Гавлин М. Л. Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России XVIII–XIX вв. // Экономическая история. Обзорение ; под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 6. –М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 98-102.

16. Голицын Ю. П. Правительственная политика по отношению к дворянскому винокурению во второй половине XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2005. – <http://www.dslib.net/istoria-otchestva/pravitelstvennaja-politika-po-otnosheniju-k-dvorjanskomu-vinokureniju-vo-vtoroj.html>

17. Голицын Ю. П. «Для казны весьма выгодно...» // Сайт журнала «Экономическая безопасность». – <http://econbez.ru/journal/cat/260>

18. Кобзов В. С. История дореволюционных органов охраны правопорядка : учебное пособие. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2013.

19. Похлебкин В. В. История водки. – М., 1991.

20. Похлебкин В. В. История вина в цивилизации и литературе. – М., 1999.

МАХРОВА Татьяна Кимовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

E-mail lotto@list.ru

MAKHROVA Tatiana, Doctor of History, Assistant Professor, Professor of the Chair of State and Civil Disciplines of the Faculty of Law Enforcement Officers' Training, South Ural State University (NRU)/

E-mail: lotto@list.ru